

В.Е.ВОРОНИН

ОТРЕЧЕНИЕ

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II
И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

Всеволод Воронин

**Отречение. Император Николай
II и Февральская революция**

«Прометей»

2017

УДК 94(47)"1917"
ББК 63.3(2)524

Воронин В. Е.

Отречение. Император Николай II и Февральская революция /
В. Е. Воронин — «Прометей», 2017

ISBN 978-5-906879-64-6

Книга посвящена деятельности императора Николая II в канун и в ходе событий Февральской революции 1917 г. На конкретных примерах дан анализ состояния политической системы Российской империи и русской армии перед Февралем, показан процесс созревания предпосылок переворота, прослеживается реакция царя на захват власти оппозиционными и революционными силами, подробно рассмотрены обстоятельства отречения Николая II от престола и крушения монархической государственности в России. Книга предназначена для специалистов и всех интересующихся политической историей России. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(47)"1917"

ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-906879-64-6

© Воронин В. Е., 2017

© Прометей, 2017

Содержание

От автора	7
Глава 1. «Думская монархия» и ее кризис	9
Глава 2. Царь и его армия глазами генерала	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Всеволод Евгеньевич Воронин

Отречение: Император Николай II и Февральская революция

© Воронин В.Е., 2017

© Издательство «Прометей», 2017

* * *

Портрет Николая II. Худ. В.А. Серов

От автора

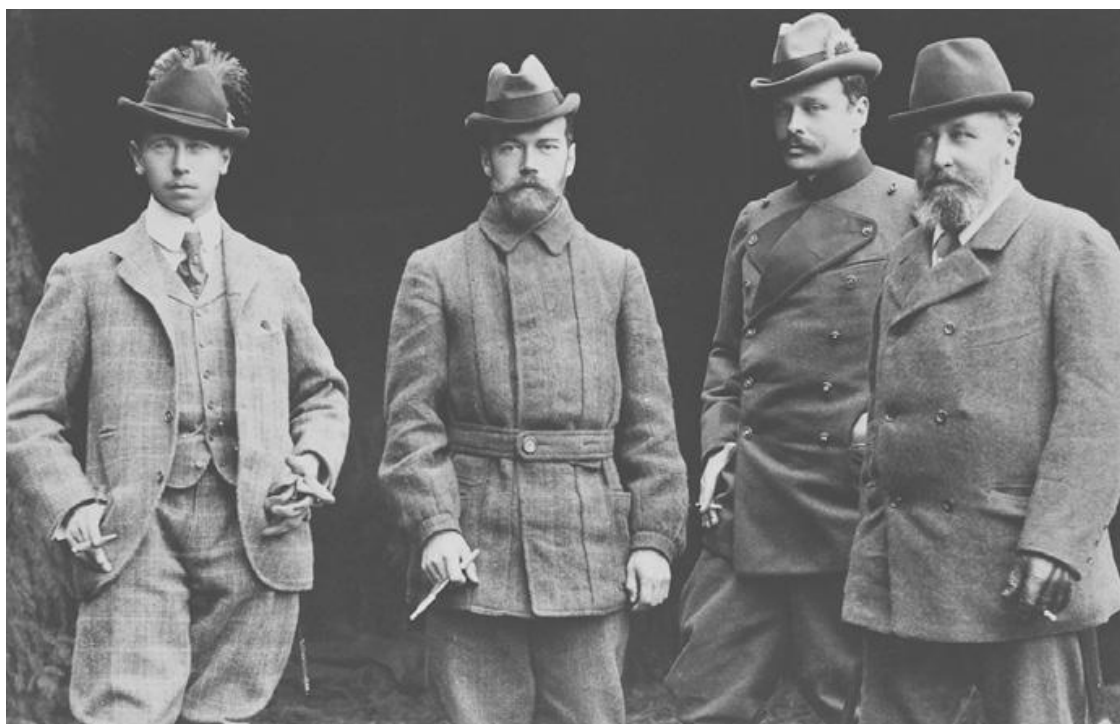
Революционные изменения в политическом и социальном строе великой страны, как правило, обусловлены крупными метаморфозами в системе общественных отношений и упадком старых государственных институтов. Так было и в России в начале XX в. Вместе с тем, определяющее влияние на ход событий всегда оказывал субъективный фактор, а именно – поведение разных движущих сил и главных действующих лиц исторического процесса. Действия правительства в период острого системного кризиса могут иметь решающее значение. Есть немало примеров, когда продуманные, смелые и последовательные действия первых лиц государства способствовали укреплению власти и ее авторитета, предотвращали или устраняли катастрофические последствия внутренних катаклизмов, а также позволяли качественно модернизировать государственный и общественный строй. Такими примерами могут служить великие преобразования Петра I и Екатерины II, а также обновление государственных институтов Империи при Александре I. В свою очередь, бесстрашие Николая I 14 декабря 1825 г., «эмансипация» крепостных и других подневольных сословий при Александре II, решительные шаги по преодолению «кризиса самодержавия» в начале царствования Александра III дали возможность не только уберечь Россию от внутренней смуты и упрочить монархическим режим, но и раскрыть сохранявшийся у него созидательный потенциал.

С другой стороны, неспособность правителей принимать адекватные и своевременные решения, их нерешительность и слабость нередко толкали страну на путь разрушения и гибели, приводили в действие всевозможные катастрофические сценарии.

Поэтому, наряду с конкретными историческими обстоятельствами, опыт деятельности императора Николая II в канун и в ходе мощных антиправительственных волнений, разразившихся в феврале 1917 г. в Петрограде и приведших к полному крушению русской монархиче-

ской государственности, а затем – к началу кровавой братоубийственной войны, является для нас важным и весьма поучительным уроком.

Глава 1. «Думская монархия» и ее кризис

После революционных событий 1905 г. государственный строй Российской империи претерпел существенные изменения – на смену неограниченному самодержавию пришел более либеральный режим «Думской монархии». «Народное» представительство в лице Государственной думы и Государственный совет, одна половина членов которого по-прежнему назначалась царем, а другая отныне избиралась в соответствии с жесткими «цензовыми» правилами, наделялось законодательными правами. Без согласия обеих палат не мог быть издан ни один закон, за исключением временных актов, которые затем также подлежали одобрению в Думе и Госсовете. Но царь по-прежнему сохранял широкие властные прерогативы. Ему были подчинены центральные и местные органы исполнительной власти; армия и флот, полицейский аппарат Империи.

Поддержка со стороны военного командования и офицерского корпуса имела для Николая II решающее значение в борьбе с Революцией 1905 г. и, в конечном счете, помогла ему удержать власть. При подавлении «первой русской революции» правительство уверенно использовало военную силу. При этом царь отказался идти на новые уступки, которые выходили за рамки обещаний, данных в знаменитом Манифесте 17 октября 1905 г. Требования либеральной оппозиции ввести в стране всеобщее избирательное право, создать «ответственное» перед Думой правительство, упразднить консервативный Государственный совет и объявить всеобщую политическую амнистию оставались несбыточными мечтаниями. Более того, Николай II досрочно распустил первую и вторую Государственные думы, где преобладали оппозиционные и революционные настроения, и, по инициативе премьера П.А. Столыпина, в момент роспуска второй Думы – 3 июня 1907 г. – произвольно изменил избирательный закон. В Думе резко сократилось представительство крестьян, рабочих, мелкой буржуазии и национальных окраин; укрепились позиции землевладельцев и крупной буржуазии. Таким образом, «третьеиюньский переворот» 1907 г. заменил «крестьянскую» Думу «господской». Опираясь на праволибераль-

ную партию «Союз 17 октября» [октябристов], выразившую настроения крупных промышленников и помещичьего класса, а также на примыкавших к октябристам умеренно-правых, правительство Столыпина сформировало в третьей Думе лояльное себе большинство, которое обеспечило прохождение законопроектов об аграрных преобразованиях, по рабочему вопросу и об усилении центральной власти на национальных окраинах Империи.

П.А. Столыпин

«Манифест 17 октября 1917 г. с отпечатком кровавой руки генерала Трепова. Карикатура. Худ. И.М. Грабовский. 1905 г.

Но альянс октябристов с кабинетом П.А. Столыпина носил временный и тактический характер. В отличие от революционеров и левых либералов – кадетов, октябристы добивались неуклонного осуществления буржуазных реформ «сверху», гарантирующих права собственности и неизбежность конституционных основ государственного строя, и лишь затем намеревались вступить в борьбу за политическую власть – за право формировать «ответственное министерство» и руководить его работой. Как «умеренная, строго монархическая партия», они официально декларировали только легальные формы политической деятельности, но, в исключительных случаях, допускали и более радикальные методы, хотя предпочитали говорить о них лишь в узком кругу. В публичных же речах для обозначения крайних намерений традиционно использовался «эзопов язык» во всем богатстве его намеков и двусмысленностей.

Лидер октябристов, промышленник и «друг» Столыпина – А.И. Гучков в 1907–1910 гг. возглавлял думскую комиссию государственной обороны, а в 1910–1911 гг. был председателем

Думы. Лояльность премьеру не помешала Гучкову составить решительную оппозицию верховной власти и лично государю при рассмотрении Думой военных и морских дел. Не скрывая своего враждебного отношения к Николаю II – главному препятствию на пути к «ответственному министерству», Гучков почти напрямую обвинял царя в плачевном состоянии командного состава армии и флота.

А.И.Гучков

Летом 1908 г. член Государственного совета и бывший премьер граф С.Ю. Витте – оппонент Гучкова в оборонных вопросах отдыхал во Франции. Один из проживавших там «рус-

ских» пересказал Сергею Юльевичу слова, якобы «недавно» сказанные ему лидером октябристов в конфиденциальной беседе. По версии анонимного рассказчика, Гучков заявил ему буквально следующее: «В 1905 г. революция не удалась потому, что войско было за Государя; теперь нужно избежать ошибку, сделанную вожаками революции 1905 года; в случае наступления новой революции, необходимо, чтобы войско было на нашей стороне; потому я исключительно занимаюсь военными вопросами и военными делами, желая, чтобы, в случае нужды, войско поддерживало более нас, нежели царствующий дом». В своих мемуарах Витте не настаивал на «достоверности» этих откровений, но допускал наличие у Гучкова «изменнических замыслов», которые тот, вероятно, «бережет при себе». Витте также настороженно отнесся к восторгам Гучкова по поводу младотурецкой революции 1908–1909 гг., в ходе которой военные свергли султана Абдул Гамида и ввели «либеральную конституцию». Язвительную иронию и, наряду с ней, заметное беспокойство старого бюрократа и царедворца вызывали рассуждения Гучкова, где он сравнивал «младотурецкую партию с партией октябристов». Витте насмешливо заметил, что для младотурок «это сравнение не особенно лестно»; а с учетом того, что младотурки были партией «изменников в отношении султана Абдул Гамида», подобные параллели выглядели, по мнению отставного премьера, «не вполне удачно»¹.

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. Минск-М., 2001. С. 679–680.

С.Ю. Витте

Избрание А.И. Гучкова председателем Государственной думы, 8 марта 1910 г., Николай II воспринял отрицательно. На следующий день он принял Гучкова, выказав ему свою холодность и недоверие. Это только усилило враждебность амбициозного политика. В ответ Гучков произнес в Думе речь [12 марта 1910 г.], в которой объявил себя «убежденным сторонником конституционно-монархического строя» как единственного порядка вещей, способного дать России возможность «мирного развития», и, сетуя на «внешние препятствия, тормозящие нашу работу», закончил свою мысль почти не скрываемой угрозой: «Мы не должны закрывать

на них глаза; с ними придется нам считаться, *а, может быть, придется и сосчитаться*»². Через год, в марте 1911 г., Гучков демонстративно ушел с поста председателя Думы в знак протеста против роспуска законодательных палат на трехдневные каникулы, во время которых Николай II, по представлению Столыпина, издал временный закон о введении земских учреждений в западных губерниях. Свой протест Гучков выражал невзирая на то, что закон вышел в редакции, ранее одобренной думским большинством [проект был отвергнут только в Госсовете]. А через месяц после гибели Столыпина – в октябре 1911 г. он обвинил в организации убийства премьера руководство охранки и развернул широковещательную кампанию против «старца» Г.Е. Распутина, близкого к царской семье³.

² Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. 2. М., 1992. С. 64.

³ Там же. С. 69–74, 84–87.

М.В.Родзянко

После крупного политического скандала вокруг дела о введении земств в западных губерниях и убийства Столыпина правящий кабинет потерял поддержку думского большинства. В избранной осенью 1912 г. четвертой Думе, несмотря на, казалось бы, незначительные перемены в партийном составе депутатского корпуса, оппозиционность законодателей кардинально возросла. Сменивший Гучкова на посту председателя Думы другой октябрист – М.В. Родзянко выступал за «укрепление конституционного строя». Думцы вели борьбу против влияния «темных сил» в лице Распутина и вмешивались во внешнюю политику царя, требуя вступления России в войну против Турции на стороне Балканского союза; а единственным возможным условием компромисса с царской властью считали создание «ответственного министерства».

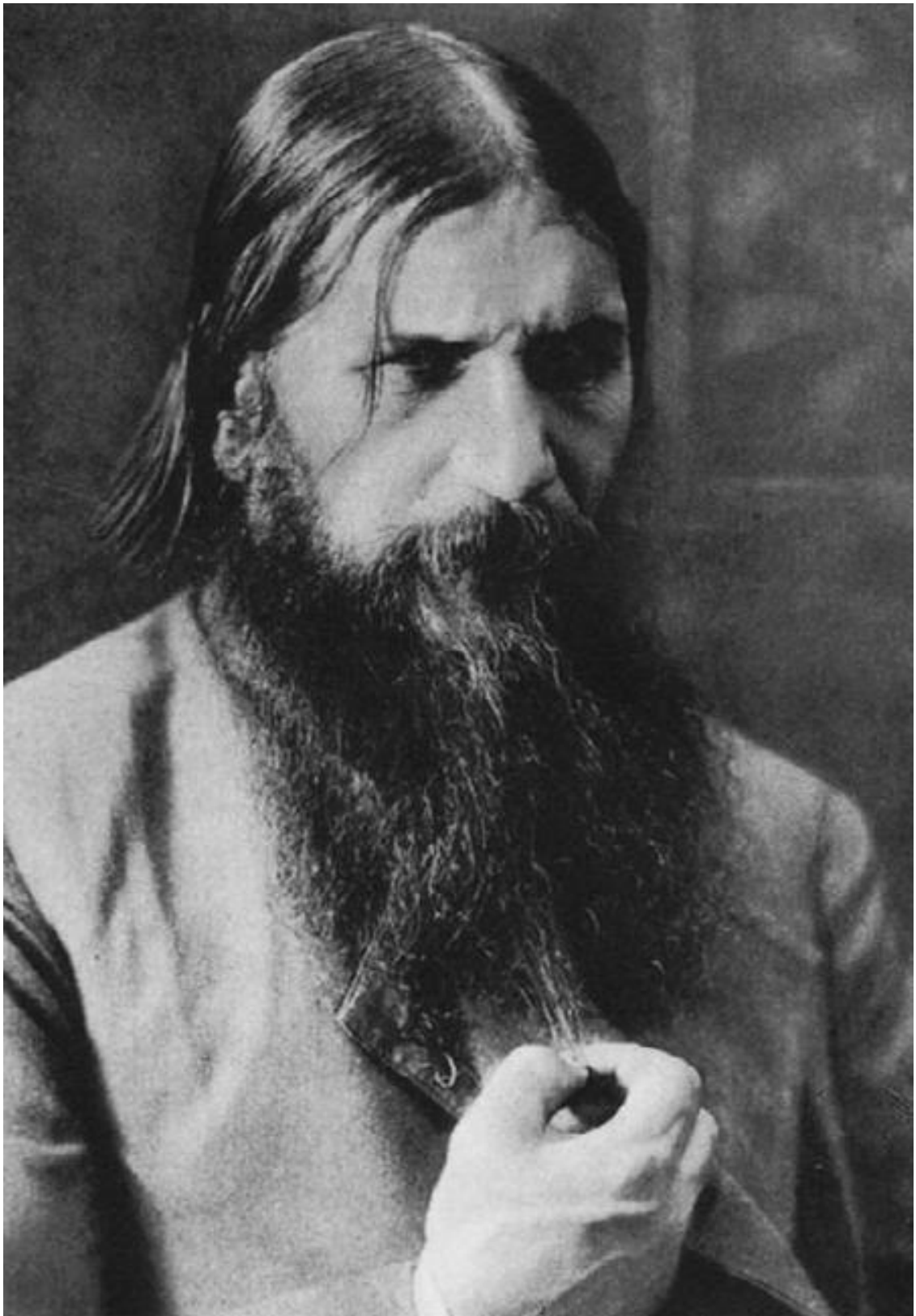
Заседание IV Государственной думы 5 декабря 1912 г. На трибуне – председатель Совета министров В.Н. Коковцов

В свою очередь, и без того скромная роль назначаемого царем премьера – председателя Совета министров – после увольнения С.Ю. Витте и гибели П.А. Столыпина становилась все более второстепенной. На этом посту больше не появлялось сильных, самостоятельных и инициативных фигур. В январе 1914 г., отправив в отставку премьера В.Н. Коковцова, Николай II взял на себя личное руководство всей деятельностью министров. Задачей премьера стал поиск согласия с Думой ради того, чтобы «сдвинуть законодательство с мертвой точки»⁴. Но взаимное недоверие оказалось слишком велико.

⁴ Там же. С. 134.

Пляска царскихъ министровъ подъ тришкину дудку. Карикатура

Г.Е. Распутин

Конфликт между правительством и думским большинством усугубила Мировая война. Военные неудачи способствовали объединению думской оппозиции – от кадетов и прогрессистов до октябристов и части умеренно-правых – в Прогрессивный блок. Местные либерально настроенные общественные деятели сплотились вокруг Всероссийского Земского союза и

Союза городов, а вступавшая в схватку за власть буржуазия активно объединялась в военно-промышленные комитеты. В августе 1915 г., во время «великого отступления» русской армии, на совещании оппозиционных деятелей по случаю создания Прогрессивного блока, которое проходило в квартире крупного промышленника П.П. Рябушинского [«костлявая рука голода»], был составлен список членов т. н. «министерства доверия»: на пост главы «кабинета» предназначался председатель Думы М.В. Родзянко; ключевые министерские портфели должны были достаться лидерам октябристов, кадетов и прогрессистов, а также трем «либеральным министрам» из царского правительства. Прогрессистская газета «Утро России» опубликовала этот список 13 августа 1915 г.

П.Н. Милуков

Характерной чертой дискуссий о будущем составе правительства стала дальнейшая радикализация русского либерального лагеря. Лозунг «ответственного министерства», т. е. кабинета, ответственного перед Думой, шаг за шагом уступал место планам создания «мини-

стерства доверия», т. е. правительства, состав и программа которого должны быть одобрены широкими «общественными» кругами. Однако П.Н. Милюкова и других сторонников формулы «министерства доверия» не смущало столь туманное определение порядка формирования правящего кабинета, где недостаток юридических процедур легко мог быть восполнен чем-то вроде «революционной целесообразности». Дума уже не рассматривалась ими в качестве органа, правомочного решать вопросы политического переустройства России. ««Министерство доверия» страны, – признавался впоследствии Милюков, – представляло больше перспектив, нежели «министерство ответственное»... перед Четвертой Думой. И это становилось ясно, как только от формул переходили к лицам. В то время многие занимались составлением списков будущих министров. И обыкновенно в этих списках варьировались все те же имена, ставшие популярными благодаря оппозиции в Думе или благодаря деятельности в общественных организациях. «Ответствовать» было не перед кем: вопрос стоял о «доверии»»⁵.

Итак, Думе, выражавшей волю только высших классов – ничтожного меньшинства населения и имевшей весьма скудный кадровый потенциал, кадеты отказывали в политическом будущем. Правда, оставалось не до конца ясным, какие именно учреждения могли быть признаны отражением мнения «страны». Вероятно, основными претендентами на эту роль выступали Земский союз и Союз городов. Но циничные рассуждения Милюкова и вовсе позволяют предполагать, что «популярные» вожди либеральной оппозиции собирались присвоить самим себе право управлять «страной» от ее же имени.

⁵ *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. С. 442.

П.П. Рябушинский

Перестановки в теновом «министерстве доверия» также производились по воле очень ограниченного числа лиц. 6 апреля 1916 г. собрание представителей кадетов и «левых» [эсеров, меньшевиков, большевиков] в квартире С.Н. Прокоповича и Е.Д. Кусковой внесло свои коррективы в намечаемый состав правительства. По настоянию лидера кадетов П.Н. Милюкова, вместо председателя Думы М.В. Родзянко пост премьера должен был занять председатель Земского союза князь Г.Е. Львов как полномочный представитель более широких, по сравнению с Думой, кругов «общества»; из кабинета были исключены и «царские министры». Вспоминая о своем успехе в борьбе с кандидатурой Родзянко, Милюков сделал еще одно интересное признание: «Политическая роль, которую Дума играла, так сказать, по молчаливому передоверию, должна была перейти к русской общественности [...] В этом смысле смена Родзянки князем Львовым была первым революционным шагом и неизбежной прививкой против дальнейшего обострения болезни». Под «болезнью» он подразумевал решимость «социалистов» перейти, в

ходе предстоящего «переворота», от «буржуазной революции» к «следующей «стадии»» и, со своей стороны, не желал «складывать рук в ожидании, пока наступит следующая «стадия»»⁶. Между тем, соглашаясь на «первый революционный шаг», вожди оппозиции невольно открывали широчайший простор для «революционного творчества масс». Переход «политической роли» Думы [вкуче с правом участвовать в формировании правительства] «к русской обществуности», выразителем воли которой мог быть объявлен любой неформальный или самозванный «общественный» орган, означал бы на практике не только полное уничтожение старого государственного строя, но и утрату каких-либо представлений о законном порядке как таковом.

⁶ Там же. С. 443–444.

Плакат Всероссийского Земского союза. 1914 г.

Таким образом, с этого момента требование «министерства доверия» стало девизом грядущего переворота, призванного отнюдь не перераспределять полномочия между монархом и народным представительством в пользу последнего, а окончательно свергнуть царскую власть. Монархии при этом, в лучшем случае, отводилась роль изящной исторической декорации;

а примерный состав Временного правительства [т. н. «министерства доверия»] во главе с князем Г.Е. Львовым стал известен широкой публике задолго до Февраля 1917 г.

Глава 2. Царь и его армия глазами генерала

Главной и едва ли не единственной опорой царя оставалась армия. Но и в среде генералитета, офицерского корпуса зрело недовольство. Причинами поражения в «Японской войне» и последующих революционных событий здесь многие считали «бестолковые колебания» монарха, «ребяческую» внешнюю политику и «Порт-Артурскую чепуху». По словам генерала А.А. Брусилова, «такими деяниями [...] само правительство устроило революцию 1905–1906 гг.». Брусилов не только возлагал на монарха ответственность за неготовность России и ее армии к Мировой войне, но и критически оценивал проведенную Николаем II реформу государственного строя, считая ее половинчатой. Он писал: «Невозможно было продолжать сидеть на двух стульях и одновременно сохранять и самодержавие и конституцию в лице законодательной Думы». Поднять авторитет царя могло, по мнению генерала, только решение даровать «настоящую конституцию с ответственным министерством». Но, втягиваясь в большую войну, власть так и не извлекла уроков из своих недавних неудач и шла прежним курсом. «Не само ли самодержавное правительство, – задавался вопросом Брусилов, – сознательно державшее народ в темноте, могущественно подготовляло успех революции и уничтожение того строя, который хотело поддержать, невзирая на то, что оно уже отжило свой век, но подготовляло также исчезновение самой России, ввергнув ее народы в неизмеримые бедствия бесконечной гражданской войны и внутренних раздоров [...] Первый акт революции 1905–1906 гг. ничему правительству не научил, и оно начало войну вслепую, само подготовляя бессознательно ее второй акт». Личная вина Николая II состояла, с точки зрения военачальника, «в том, что он сам не знал, чего хотел, не отдавал себе отчета в истинном положении дела и, окруженный лестью, самоуверенно думал, что мир и война в его руках, и был убежден, что он тонкий дипло-

мат, умело ведущий внешнюю и внутреннюю политику России по собственному произволу, невзирая на столь еще недавний урок Японской войны и революции 1905–1906 гг.»⁷.

А.А. Брусилов

Вступление царя на пост Верховного главнокомандующего в августе 1915 г., после «горестных событий» «великого отступления», произвело на армию «самое тяжелое» впечатление. «Было общеизвестно, – рассказывал А.А. Брусилов, – что Николай II в военном деле

⁷ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 62–77.

решительно ничего не понимал, и что взятое им на себя звание будет только номинальным, а за него всецело должен будет решать его начальник штаба». Генерал, прославивший Россию одной из самых успешных военных операций за всю войну 1914–1918 гг., приходил к однозначному выводу: «Принятие на себя должности Верховного главнокомандующего было последним ударом, который нанес себе Император Николай II, и который повлек за собой печальный конец его монархии». Да и само победоносное наступление Юго-Западного фронта весной-летом 1916 г. [Брусиловский прорыв], не поддержанное соседними фронтами, принесло русскому оружию лишь локальную победу. Будучи главнокомандующим фронтом, Брусилов не простил Верховному главнокомандующему его нерешительность, «его постоянно колеблющуюся волю». Он вспоминал: «...Отсутствие настоящего Верховного главнокомандующего очень сказалось во время боевых действий 1916 года. Тогда мы, по вине верховного главнокомандования, не достигли тех результатов, которые могли легко повести к окончанию вполне победоносной войны и к укреплению самого монарха на колебавшемся престоле [...] Преступны те люди, которые не отговорили самым решительным образом, хотя бы силой, Императора Николая II возложить на себя те обязанности, которые он, по своим знаниям, способностям, душевному складу и дряблости воли, ни в каком случае нести не мог»⁸

⁸ Там же. С. 135–136, 178.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.